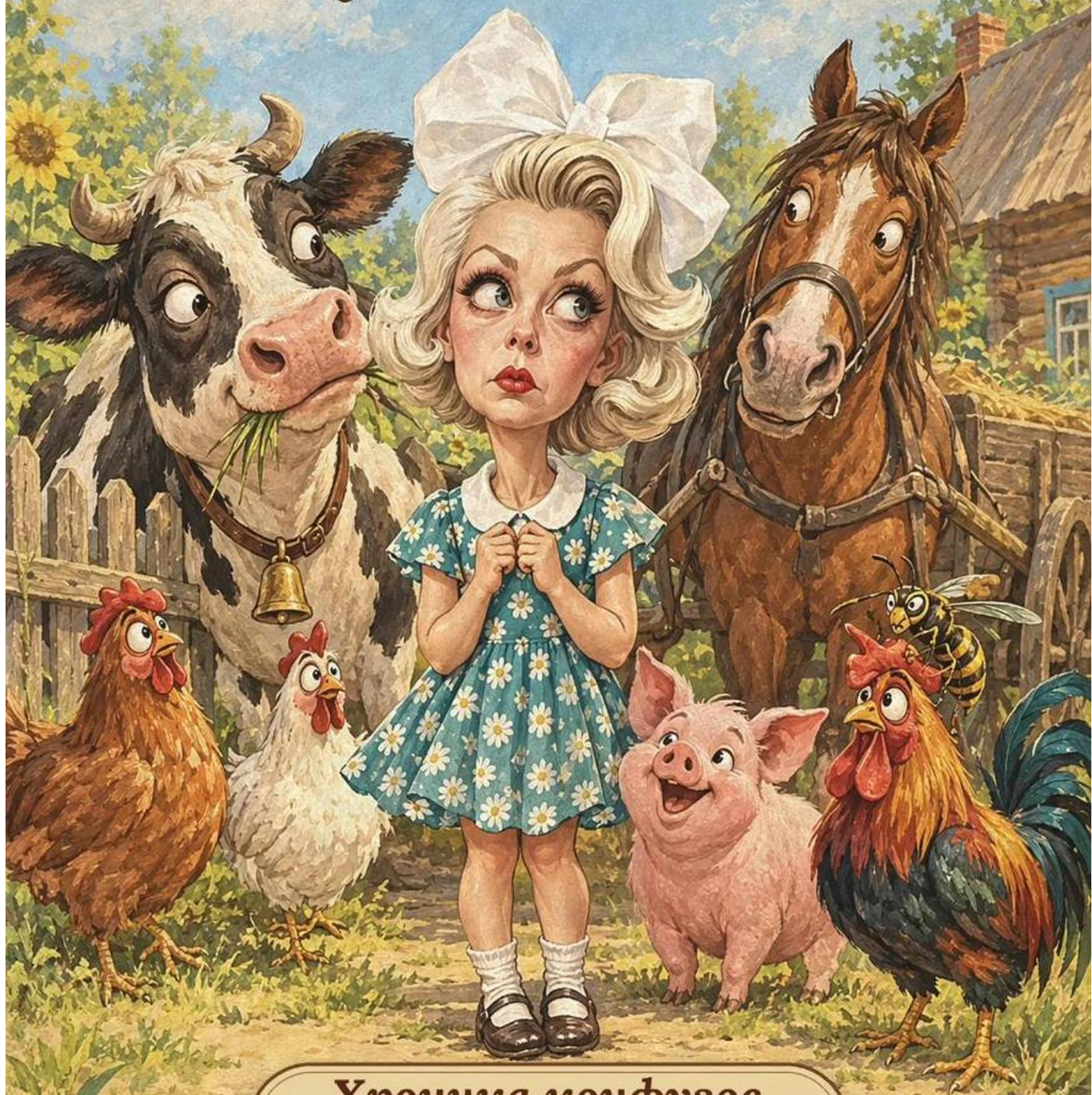

Джулия Никольская

Хроника конфузов
моего детства

— РАССКАЗЫ —

Джулия Никольская

Хроника конфузов моего детства

«Автор»

2026

Никольская Д.

Хроника конфузов моего детства / Д. Никольская — «Автор»,
2026

Говорят, детство — это самое беззаботное время. Но только не для тех, кто умудрялся находить грандиозные приключения прямо под ногами и превращать обычный день в эпическую катастрофу. Сборник иронических рассказов «Хроника конфузов моего детства» — это билет в мир позитива и легкой ностальгии. Здесь детская непосредственность крушит взрослые правила. Каждая история — это заряд отличного настроения и иронии. Если вы соскучились по книгам, которые читаются на одном дыхании, заставляют улыбаться и возвращают веру в искреннее, абсолютное счастье — вы нашли её. Идеальное чтение, чтобы расслабиться, посмеяться над чужими конфузами, возможно, вспомнить свои собственные и заново влюбиться в жизнь. Открывайте первую страницу - но будьте готовы: вам захочется ещё!

© Никольская Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Операция «Шоколадный плен»	5
Две бабки, колбаса и бунт кобылы	6
Корова, борщ и дебют юного каскадёра	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Джулия Никольская

Хроника конфузов моего детства

Операция «Шоколадный плен»

В 1976 году в моей жизни случился первый и самый дерзкий побег. Мои родители — весёлые представители советской богемы. Батя — интеллигентный художник в очках и мама — его верная муза, решили, что негоже четырёхлетнему ребёнку киснуть у бабушки. Они благополучно «выкрали» меня и увезли в романтический вояж: батя поехал реставрировать очередную церковь в российской глубинке, а мама — налаживать и укреплять культурные связи с местным населением.

Пока отец возвращал святым на иконах их первозданный вид, мама, в уютной сельской избе, на пару с местной хозяйкой увлечённо дегустировала этнические напитки. Мне, четырёхлетней, в этой взрослой компании ловить было нечего. Пока женщины сравнивали свои вкусовые ощущения, я отправилась покорять просторы русской деревни.

На дворе стояла классическая пушкинская осень — с моросящим дождём и печально известными всем дорогами. Грязь на грунтовке уже достигла той благородной консистенции, когда она выглядит в точности, как растопленное шоколадное масло, но держит мёртвой хваткой, как цемент. Тишину застолья нарушил дикий топот. В избу влетели два местных близнеца с глазами размером с советские рубли.

— Тётя Лора, тётя Лора! Ваша девочка утопла!!! — заорал первый.

— Совсем утопла!!!! — с готовностью подтвердил второй.

Моя мать мгновенно рванула к дороге. В её голове, мягко говоря, пронеслась вся моя короткая жизнь. Картина, которая открылась её взору на краю деревни, была достойна кисти моего отца-художника. Посреди гигантской, эпической лужи стоял четырёхлетний монумент. Я громко, на всю Ивановскую, рыдала, размазывая по лицу слёзы, вперемешку с той самой «шоколадной» грязью. Мои новенькие резиновые сапожки засосало в пучину намертво. Земля просто отказалась возвращать их советской экономике.

Спасательная операция по выковыриванию меня из коричневой жижи, была чем-то похожа на извлечение репки во всем известной детской сказке. В итоге меня, конечно, спасли. А вот сапожки так и остались там — как законный налог русской грязи за моё первое большое путешествие.

Две бабки, колбаса и бунт кобылы

Пока я обживала лужи русской глубинки, на «большой земле» зрел заговор. Моя бабушка по папиной линии, обнаружив пропажу внучки, развила десантную активность. Она примчалась к своей сватье (маминой маме) с боевым кличем: «Поехали искать наших пропавших!»

На дворе уже стояла суровая русская зима. Снарядив стратегический запас — чемоданы, доверху набитые дефицитной в СССР колбасой и прочими гастрономическими сокровищами, — две отважные женщины сели на поезд. План был надёжен, как швейцарские часы, пока они не вышли на глухой железнодорожной станции. Вокруг — метель, сугробы по пояс и абсолютное отсутствие какого-либо транспорта. Единственным признаком цивилизации был местный мужичок с запряжённой лошастью. На беду моих спасительниц, извозчик оказался глухонемым. Впрочем, когда у советских бабушек в чемоданах ГОСТовская колбаса, а внучка находится в руках весёлых, но безалаберных художников, языковой барьер исчезает.

Объяснившись на пальцах, нафуфыренные городские бабули погрузили свои телеса и дефицит на телегу. Экспедиция двинулась в заснеженные поля. Всё шло романтично: метель мела, лошадка бежала, бабки бдели. Но посреди бескрайнего белого безмолвия лошадь внезапно увидела Его. Стог сена. Мечту всей своей жизни. В кобыле проснулся дух дикого мустанга. Она резко рванула с большака прямиком к еде. Телега сделала крутой вираж, и обе бабушки вместе со своими чемоданами, совершив красивое сальто, катапультировались в глубокий сугроб.

— Стой! Куда! Назад! — истошно закричали бабули из снежного плена.

Но возница, увы, обладал железным иммунитетом к любым крикам сзади. Лошадь целеустремлённо неслась к стогу, увозя глухого кучера в «прекрасное далёко». Целый час две интеллигентные женщины, проваливаясь по пояс в снег и матеря до хрипоты советский туризм, прокладывали тропу к стогу.

Лошадь в это время спокойно хрустела сеном, а возница, наконец заметивший пропажу пассажиров, просто держался за живот. Хотя он и не мог произнести ни звука, его безмолвный хохот над двумя грязными, мокрыми и злыми городскими дамами с чемоданами был слышен, кажется, на всю область.

В итоге до избы они всё-таки дотопали — злые, замёрзшие, с победно зажатыми в руках чемоданами. Моему первому бродячему путешествию пришёл конец. Меня бережно изъяли у творческих родителей и увезли обратно в город — подальше от шабашек папеньки.

А вот с лошадьми у обеих бабушек с тех пор сложились весьма натянутые отношения. До конца жизни, при воспоминании о той лошади, у них предательски подёргивалось веко, а в глазах читался один и тот же немой вопрос: «Где ближайший стог сена?!»

Корова, борщ и дебют юного каскадёра

Год спустя я стала мудрее, но тяга к «прекрасному» и опасным приключениям никуда не делась.

В 1977 году судьба опять забросила нашу богемную семью в Липецкую область. Пока батя оформлял местный сельский клуб, мы с мамой обживали двор очередной радушной бабульки.

Главной достопримечательностью двора была корова. Ничего не подозревающее животное находилось в полной гармонии с окружающим миром и мирно пощипывало траву, наслаждаясь сочным клевером. Ничто не предвещало беды. Но тут у забора появилась я. Посмотрев в её огромные, печальные и экзистенциальные глаза, моё детское сердце дрогнуло. Попробовав на вкус травинку из чистой научной солидарности, я пришла в ужас: «Как можно всю жизнь жрать эту безвкусную зелень?!» В моей голове созрел грандиозный гуманитарный план. Как раз в это время мама наварила огромный чугунок роскошного, жирного украинского борща с мясом. Его только-только вынули из печи и выставили остывать на летний столик во дворе. Рядом покоилась серая буханка хлеба-кирпичика — не самый изысканный деликатес советской эпохи, но для моей спецоперации подходил идеально.

Пока маменька отвлеклась, я взяла этот кирпич, наполовину притопила его в почти кипящем борще и с твёрдым намерением догнать и причинить корове добро, отправилась кормить голодающее животное. Проблема заключалась в разнице масштабов. Мой рост едва позволял дотянуться до коровьего носа. Пылая благотворительным пафосом, я начала тыкать обжигающим жирным хлебом прямо в коровью морду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.